

ЗАВТРА ТЫ СТАНЕШЬ *Бывшим*

ПОЛИНА РАЕВСКАЯ

МАРИЯ АБДУЛОВА

Полина Раевская

Завтра ты станешь бывшим

«Литнет»

2025

Раевская П.

Завтра ты станешь бывшим / П. Раевская — «Литнет», 2025

Между ними тринадцать лет совместной жизни, двое детей и перспектива празднования грядущего Нового года в окружении горячо любимых родственников. Каждый хочет провести его по-своему: она - не испортить родным праздники новостью о разводе, а он - во что бы то ни стало не отпустить ее и сохранить семью.

© Раевская П., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Диля	5
Глава 2. Диля	7
Глава 3. Гриша	9
Глава 4. Гриша	11
Глава 5. Гриша	13
Глава 6. Флешбэк	15
Глава 7. Флешбэк	17
Глава 8. Флешбэк	19
Глава 9. Флешбэк	21
Глава 10. Флешбэк	23
Глава 11. Флешбэк	25
Глава 12. Флешбэк	27
Глава 13. Флешбэк	30
Глава 14. Диля	33
Глава 15. Диля	35
Глава 16. Диля	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Диля

“Буду через десять минут”

Диля мажет взглядом по экрану с уведомлением о смс и тянется к кашемировому шарфу стоимостью в среднестатистическую зарплату в провинциальном городке их великой и могучей.

Если муж сказал, что будет дома через десять минут, значит, стоит его ждать на пороге минут через пять. В конце концов, в этом весь Григорий Кобелев - переиграть и уничтожить, быть на шаг впереди всего мира и сделать всё по-своему, наплевав на чужие мнения и ожидания. Потому что что?

Правильно. Ваши ожидания - ваши проблемы. И она за годы совместной жизни знает все его привычки наизусть, даже лучше, чем себя саму, наверное, но сегодня, впервые за эти самые годы, потакать им не собирается.

Собирает детей, изнемогающих от нетерпения увидеть своего горячо любимого отца, вызывает консьержа для помощи с багажом, благо статус элитного ЖК, где они проживают уже четвёртый год, и не такое позволяет, и спускается вниз, аккумулируя все внутренние ресурсы, силы и терпение на предстоящие новогодние выходные в компании семьи, друзей и мужа. Скорее всего в ближайшем будущем бывшего мужа, но это пока неточно. Не решила ещё... Думала-думала и...

— Папа! Папа! - голоса наперебой дочка с сыном и, отпустив её ладони, на всех парах несутся к только вышедшему из своего огромного, блестящего на солнце Рендж Ровера, отцу.

Он весь в чёрном: в одном тонком пуловере, джинсах и кроссовках, несмотря на минусовую температуру. На глазах солнцезащитные лимитированные Рей-Бен, на левом запястье стоящие целое состояние Ролексы, а на безымянном пальце правой руки - обручальное кольцо, что невольно вызывает у неё горький смешок.

Ну, надо же, какая честь! Посмотрите только на него! Муж года, не иначе! Где красная дорожка с аплодисментами? Почему не подготовились?

— Дилара Каримовна, я грузу или...? - консьерж, поравнявшись с ней, дежурно улыбается и неловко переступает с ноги на ногу, косясь на возящегося с детьми неподалёку Кобелева.

— Конечно, - она, поправив скрывающие половину лица, свои солнцезащитные очки от Диор, кивает и растягивает губы в ответной дежурной улыбке. — Спасибо вам.

Мышцы лица слушаются с трудом, будто Дилара переборщила с филлерами, ботулотоксинами и прочими косметологическими процедурами, и улыбка быстро уходит в небытие.

В этот же самый момент муж поднимает голову и смотрит прямо на неё. Жадно так, с толикой недовольства из-за самоуправства и приговором “моя-моя-моя” в такт в миг участвующемуся сердцебиению. Как раньше...

Она чувствует это, даже не видя его глаз, и в носу предательски щиплет, вот только плакать уже нечем, да и смысла в этом особого нет. Слезам, как известно, большие города не верят, а такие, как Кобелев, их не стоят.

— ...мы хотим покататься с горки, пап!

— А ещё на коньки!

— И на снегоходе поездить, как тогда, папуль, помнишь?

Двойняшки перекрикивают друг друга с блеском в глазах похлеще сверкающего на солнце снега и отлипая от отца явно не собираются, что, впрочем, Диле только на руку. Не потому что от детей устала, а потому что пока Кобелев занят ими, её гордость с сердцем, разбитым, раненным, болеющим, залатанным гнилыми нитками из самообмана, в какой-никакой безопасности.

— Добрый день, Григорий Александрович, - с тем же дежурно-почтительным выражением приветствует его консьерж, толкая тележку с их чемоданами ближе к машине.

Натянув шарф повыше, Диля с неественно прямой спиной, чеканя шаг, тоже направляется вперёд, но невольно сбивается, когда слышит хрипловато-грубый, низкий, родной до невозможности голос:

— И вам не хворать.

Спешащая мимо холёная блондинка в ярко-красном пальто со стаканчиком в руке из кофейни, располагающейся в нескольких метрах от них, не может не попасть под его очарование и, в открытую заливнувшись на Кобелева, замедляется, встряхивает обесвеченными локонами и выпячивает и без того пухлые, благодаря Дилиным коллегам, губы.

В них примерно два миллилитра гиалуронки и три слоя красной помады с контурным карандашом, а у самой Дилары пальцы, спрятанные в карманы шубки от ветра, невольно сжимаются в кулаки, потому что...

Потому что неужели он и с ней тоже?

Когда? Где? Или... Или всё же нет? Тогда... Почему она на него смотрит ТАК?

Хотя глупый вопрос, конечно. Какая здоровая, адекватная женщина не обратит внимание на представителя противоположного пола под два метра ростом, комплекцией шкафа и энергетикой “прогну под себя этот мир и тебя заодно”, упакованного в статусные тряпки и с дорожкой тачкой на фоне?

Григорий Кобелев - это не современный метросексуал с модной зализанной укладкой, крашенными ногтями и перекроенным под тренды глянцевого мужской красоты лицом, соблюдающий безуглеводную диету.

Он - та самая женская ожившая мечта о “настоящем нормальном мужике” с зашкаливающей самцовостью, аурой “я всё решу, детка”, сногшибательной харизмой и убийным обаянием.

Человек с властью, силой и очевидным успехом, который сделал себя сам, исключительно на своём упорстве с упрямством, смекалке, уме, подвешенном языке и каком-то нечеловеческом везении, и теперь, оказавшись на вершине, брал от этой жизни всё. И, самое смешное, что это не фигура речи, не тщательно продуманный образ и даже не Дилино субъективное мнение, а самая что ни на есть неоспоримая данность. Он всегда был таким и совершенно ясно, что таким и останется до конца своих дней.

Всегда в центре внимания, хоть в ширпотребе с рынка, хоть в шмотках из ЦУМа. Всегда на коне. И, ещё пару месяцев назад, она была уверена, что навсегда только её, но... Увы и ах.

В груди больно колет, и Диля ускоряет шаг, насилию смотря строго прямо.

Пусть делает что хочет и с кем хочет. Хоть с этой в красном пальто, хоть с молоденькой баристой в той самой кофейне, хоть снова с той, рыжей, с которой...

— Жизнь моя, - прилетает рокошующее, нежное, знакомое от и до, как обухом по голове, когда Дилара равняется с ним и тут же оказывается в бесцеремонных медвежьих объятьях. — Привет.

Девочки рады приветствовать вас в нашем совместном проекте. Очень надеемся на вашу поддержку: библиотеки, звездочки - ну, вы знаете всю эту песню))

Обещаем, что вам будет не скучно и вы отлично проведете время с нашими ребятами. Очень ждем обратной связи: что думаете о героях и их ситуации, рассказывайте. И спасибо, что с нами!

Глава 2. Диля

Внутри всё обрывается.

Вместо свежего воздуха его запах, вспарывающий напрочь её внешнюю холодность с деланным равнодушием, а вместо сибирского декабрьского мороза жар его тела, закрывающего от порывов ветра.

Горячее дыхание щекочет волосы на виске, щетина привычно царапает щеку, но контрольным - поцелуй в уголок губ, от которого она вопреки ощущениям превращается в безжизненную глыбу льда.

После всех всплывших подробностей о кобелевском времяпрепровождении вне стен дома это должно быть мерзко, и она, действительно, чувствует отвращение, но по сравнению с болью, жгучей обидой и разочарованием, что бушуют в ней подобно цунами, оно отзывается жалкими отголосками.

— Отпусти. Меня. Сейчас же! - приказывает отрывисто, но без толку. Гриша, как обычно, её не слышит. Он лишь стискивает своими ручищами сильнее, прижимая к твёрдой груди, и, зарывшись носом в распущенные волосы, глубоко вздыхает.

— Почему не дождалась? Я же сказал, что поднимусь за вами.

— Как видишь, мы без тебя прекрасно справились сейчас и справляемся в целом.

— Жизнь моя, ну, не бузи... Договорились же.

— Мы договорились не портить семье и детям Новым год новостью о нашем разводе и только, об остальном речи не шло, так что, ещё раз говорю, руки убери!

Пока ещё муж, не привыкший к такому тону разговора, ошпаривает её хмурым взглядом, но объятья всё же разжимает, чем Дилара мгновенно пользуется и быстро направляется к машине.

Её бы воля, то поехала на своей, отдельно, но тогда наверняка возникнут вопросы от родных, к тому же детям не два месяца, а шесть лет и слепотой с глухотой они не страдают, чтобы не заметить, что что-то не так. Гриша и без того уже около месяца живёт не дома, а объяснений почему так происходит у неё почти не осталось и правду не скажешь...

Да и как, вообще, эту самую правду вслух произнести, когда даже в мыслях её озвучить тошно и горько?

— Диль...

Кобелев, конечно же, оказывается у двери быстрее и галантно её перед ней распахивает, протянув ладонь, чтобы помочь взобраться на сидение, но растоптанная его стараниями женская гордость диктует свои правила, и Диля, упрямо вздёрнув подбородок, забирается внутрь салона самостоятельно, показательно проигнорировав его учтивость.

Это, судя по напряженной линии челюсти, явно не приходится Кобелеву по вкусу и он сверлит её тяжёлым взглядом на протяжении долгих секунд сквозь стёкла очков, а потом с усмешкой выдаёт в своём стиле:

— Ла-а-адно, и не такие метели нам в ёбла летели.

И закрывает дверь.

Вот же...!

Дилара прикрывает глаза и глубоко дышит, призывая себя к спокойствию.

Вдох-выдох, вдох-выдох...

Он специально так делает. Специально провоцирует, зная, что она терпеть не может, когда он выражается при детях. Просто пытается проникнуть под броню и снова перевернуть внутри всё вверх дном.

Чёртов манипулятор! Почему она вообще прожила с ним столько лет, спрашивается?!

“Любила потому что” - шелестит на задворках. - “И сейчас любишь...”

От бессилия хочется рычать и снова плакать, но муж быстро устраивает детей в детских креслах на заднем сидении и сам, усевшись на водительское, внаглую стеребает её ладонь в свою и прижимает к губам.

— Не замёрзла, жизнь моя? - и не дожидаясь от неё ответа, поворачивается к Сашке, названному в честь деда, и Арише. — А вы?

— Не-е, папочка.

— Мне даже жарко, пап, - красуется перед отцом сын.

— Красавчики! Тогда погнали.

Отвоевать ладонь себе обратно получается не сразу, но Диля не сдаётся. В конце концов, она прошла шесть лет учёбы в меде, два года ординатуры, аккредитацию, беременность и тринадцать лет отношений с самым невозможным мужчиной на свете, с которым подумывала развестись в наступающем году, так что упрямства с упорством ей тоже не занимать.

Благо, выехав за город, Гриша выбирает безопасность вождения, а не доведение её до белого каления, и Диля сразу отворачивается от него к окну.

К этому моменту двойняшки, по своему обыкновению, на зависть другим родителям беспокойных в путешествиях чад, засыпают и необходимость делать вид, словно ничего не произошло, и у них всё по-прежнему, ненадолго отпадает. К тому же пейзажи снаружи достойны восхищения. Настоящая русская зима, яркое слепящее солнце, лес одетый, как счастливая невеста, в белое. Таких красот на Бали или в Тайланде, куда ломилась большая часть их знакомых с друзьями на праздничные выходные, не найти и тем более не заменить, кто бы что ни говорил.

Это время года, в целом, было её любимым. Оно ассоциировалось у неё с семьёй, праздниками, счастьем. Сын с дочкой родились в последних числах января, у мамы с папой в феврале годовщина свадьбы, а в первых числах декабря тринадцать лет назад ей повстречался человек, в которого Дилара влюбилась без памяти, ради которого пошла против родительской воли и которому подарила всю себя, не прося ничего взамен, став ему преданной женой и верным тылом.

— Жизнь моя, а помнишь... - начинает вкрадчиво муж, прекрасно зная ход ее мыслей в этот момент.

— Нет, - отрезает, не дав договорить.

За окном пролетает остановка рядом с небольшим населённым пунктом, очень похожая на ту, у которой они встретились в недавние и одновременно такие далёкие десятилетия.

— Диль, я тебя прошу, давай без этого, а? Я же к тебе со всей душой!

У неё вырывается истерический смешок.

— Какая честь! Я польщена!

— Не дерзи.

— А ты мне не изменяй, Гриш, и я тогда дерзить не буду.

ДЕВОЧКИ, ОГРОМНОЕ СПАСИБО! Спасибо, что читаете, ставите звездочки, комментируете для нас это очень важно и нужно)

Глава 3. Гриша

— А ты мне не изменяй, Гриш, и я тогда дерзить не буду.

У него дёргается щека, как от пощёчины, и ладони сильнее стискивают кожаную оплётку руля. Жена же наоборот, как сидела, повернувшись к окну, прочертив между ними невидимую, но ахуеть, какую ощутимую дистанцию, так и продолжает сидеть, не удостоив его и взгляда своих прекрасных восточных, раскосых глаз.

И первой реакцией, как обычно, устроить выяснение отношений со всеми вытекающими, ибо лучше пусть орёт на него, обзывается, проклинает и кидается с кулаками, чем вот так, когда к ней и на кривой кобыле не подъехать, но это же Дилара.

Его Дилара. Нежная, воспитанная, кроткая Дилара, за всю свою жизнь ни разу не сказавшая даже самого безобидного матерка и зная не знающая как скандалить, истерить и выносить мозг.

Её максимум - это тихая обида, высказывание своего недовольства ровным, спокойным голосом и нескрываемое разочарование в каре-зелёных глазах.

И последнее - самое дерьмовое. Особенно тогда, когда всю жизнь кладёшь на то, чтобы любимая жена тобой гордилась, восхищалась и жила как королева. Сразу чувствуешь себя не хозяином жизни, выбившимся из грязи в князи самостоятельно, а жалким неудачником, не сумевшим сохранить единственное богатство, которое неоценимо ни в одном из существующих эквивалентов.

И, если отстраниться от факта, что этот пиздец напрямую касается именно его, то из него можно даже сделать поучительный вывод, мол, гонка за материальным рано или поздно неизбежно заканчивается крахом и потерей того, что, действительно, важно.

Бабки бабками, власть властью, успех успехом, а вот надёжный тыл в виде любимой жены, счастливо растущих в полной семье детей и ни в чём не нуждающихся близких - вот это уровень и показатель, что ты как человек в общем и мужик в частности состоялся.

Сколько раз Гриша разгонял эту тему с братьями под вискарь? Не перечесть!

Умничал, важничал, морализаторствовал на правах старшего, а по итогу что? У младших всё тип-топ, их женщины при них, и мыслей о разводе не возникает, у него же...

Дильке рядом с ним находится противно. Вместо семейного уютного гнёздышка - бездушная съёмная хата и вполне реально маячащая в ближайшем будущем перспектива стать папой выходного дня. И винить в это ебатории, кроме себя, некого. Сам ведь забылся, заигрался, натворил херни, и теперь как уж на сковороде вертелся, пытаюсь не допустить катастрофы.

Но ничего-ничего. Кобелев он или размазня бесхребетная?

Как сам нахуевертил, так сам и всё исправит. И Дильку свою простить заставит, и любовь её снова заслужит, и ещё счастливее всех счастливых сделает.

Однажды, вон, получилось же, несмотря на отсутствие родительского благословения, нищету и небольшой шанс из этой самой нищеты выбраться, так что и сейчас, когда за плечами тринадцать лет “и в горе, и в радости”, сын с дочкой и совместного имущества в целое состояние получится.

Так что либо вместе, либо что? Правильно, снова вместе. Третьего варианта не дано.

— Дилар, может, полегче на поворотах? - спрашивает, стараясь звучать как можно миролюбивее, без предъявы. В конце концов, на совместных претензиях они далеко не уедут. — Я, конечно, всё понимаю, но...

Жена вновь саркастически усмехается и это настолько на неё не похоже, что за грудиной болезненно тянет. Довёл, сука...

— Нет, не понимаешь, Гриш, - отрицательно качает головой, по-прежнему не поворачиваясь к нему лицом.

Кобелев открывает рот, чтобы предпринять очередную попытку выкрутить с этой гребанной темы в более-менее безопасные воды, но Дилара вдруг добавляет:

— Пока, - выделяет отчётливо голосом. — Не понимаешь.

Он в полном ахере поворачивается к ней, надеясь, что ему сейчас послышалось и это многообещающее “пока” не прозвучало.

— Чё? Ты сейчас шутишь так, жизнь моя?!

А в ответ молчание, затылок и напряженная спина с плечами.

— Диль!

Гриша лихорадочно переводит взгляд с заснеженной дороги на жену и обратно, чувствуя, как начинает потряхивать нутро. Противно так потряхивать, разгоняя и без того крутой нрав до панички напололам с бешенством, подключая большую фантазию и выкручивая неуверенность из-за повисшей между ними неизвестности на максимум.

— Я не понял, в смысле “пока”, Диль?!

Нет, он не конченный идиот и осознаёт, что Диларка имеет полное право у него на нервах ча-ча-ча выплясывать, ибо, ну, будем честны, косячок за ним имеется, заслужил, но...

А если она на полном серьёзе сейчас, а не потому что уколоть побольнее хочет? Что тогда? Вдруг это “пока не понимаешь” не просто мифическая угроза, а обещание? Или, что ещё хуже, приговор?!

— Какое, нахер, “пока”, а?! - рычит, закипая ещё сильнее. — Ты че удумала? Зуб за зуб что ли?!

Одна лишь вероятность того, что его честная, верная, преданная Дилька может с кем-то, кроме него, вот так просто, чтобы отомстить...

Да ну нахер! Нет, нет и ещё раз нет! Ему легче собрать всех мужиков в округе, прихлопнуть их разом и сесть на пожизненное, чем эту мысль допустить. А ещё лучше её на три замка закрыть, к себе привязать цепями и не отпускать, пока не простит.

Не, а чё? Мысль в целом норм, будет планом “Ъ”, если все остальные до него не сработают.

И, да, вот такой он мутила-собственник: у самого рыло в пуху, но всё равно возможность ответки даже в планах и чисто ему назло смерти подобна.

— Диль, херню не неси! И только попробуй, слышишь?! Ты...

Неизвестно до чего бы он договорился, если бы не проснувшийся так вовремя сын.

— Па... - сонно зовёт Сашка. — Мы уже приехали?

Кобелев стопорит себя, проглатывает все слова и шумно выдыхает, вспоминая Светкины приёмы по управлению гневом, которыми братишка вечно его поучал.

Как там было? Досчитать до десяти, прочитать мантру, отпустить и забыть, да?

Омम्म, нахуй. Он, сука, спокоен, как водная гладь в ебучую, летнюю ночь. Спокойнее его только пульс покойника, коим грозит стать любому, кто хотя бы вздохнёт в Дилину сторону.

Глава 4. Гриша

— Нет, малыш. Ещё долго, так что можешь снова засыпать, - повернувшись к сыну, мягко отвечает она за него, прекрасно зная, каких усилий ему сейчас стоит, хотя бы просто промолчать. И ведь все-то она знает, всегда его выручает.

— А насколько долго?

— Ну-у... пару часиков точно.

— Пап?

— Да, сынок?

Гриша прочищает горло, потому что с голосом беда, и каким-то чудом, напрягшись, даже выдавливая из себя подобие улыбки, посмотрев на Саньку через зеркало заднего вида.

— А ты точно с нами будешь? Не уедешь снова?

Бах! Не на вылет, а солью на не затянувшуюся рану.

Эти слова ощущаются даже больнее, чем Дилино “пока”. Оно хотя бы ещё не произошло, а вот “снова” уже свершившийся факт.

Сколько раз он видел детей за этот месяц с небольшим?

Стабильно каждые выходные, парочка вечеров в будни, ежедневные звонки - немало, но по сравнению с тем, как было раньше, до того, как всё пошло по одному месту, ничтожно ни хера.

Еблан! Вот стоило оно того?! Да, ощущение вседозволенности приятно само по себе, но эта кратковременная видимость мутного, низкосортного кайфа разве семьи стоит?!

Повторно вздыхает, но уже с неприкрытым сожалением и горечью, и боковым зрением замечает, как Дилара поджимает губы в тонкую полоску и вся каменеет.

Не женщина, а мраморный памятник их счастью и любви.

— Конечно, Саш. Куда я без вас?

И специально для неё:

— Не избавитесь от меня, обещаю.

Сыну этого обещания достаточно, чтобы вновь провалиться в сладкий сон, а с женой так, ожидаемо, не срабатывает. Она возвращается в прежнее положение, полоснув по нему острым, непримиримым, говорящим о нём всё, что ей не позволяли произнести вслух воспитание с манерами, взглядом и опять отворачивается к окну.

— Ну, ничего-ничего, гордая моя, - бормочет себе под нос. — Имеешь право. Только я не шучу, ты знаешь.

Дилара реагирует уже знакомым холодным молчанием и не говорит ему больше ни слова вплоть до конца их пути - базы отдыха у озера в окружении хвойного леса, где их заждалось всё необъятное семейство, численность которого они давно перестали считать.

Первыми, стоит ему только заехать на территорию самого большого, из снятых им домов, навстречу выходят тесть с тёщей, следом, кутаясь в связанную своими руками шаль мама, потом румяные племянники в смешных цветастых комбинезонах и замыкающими в процессии встречающих - друг за дружкой, по старшинству, как в детстве, братья.

Сначала Игорёк даже сейчас в своём неизменном чиновничьем облачении - костюме в цену подержанного представителя корейского автопрома, за ним Светка, который по паспорту и замыслу родителей на самом деле был Святославом, но Гришу на правах самого старшего и вырастившего их, этот факт волновал мало. Так вот Светка, вырядился по своему обыкновению, как на подиум. Модник чтоб его.

И последний - самый младший, как всегда, весь в чёрном, на спорте, с извечным выражением смазливой мордашки в стиле “вы все дебилы или да?” - Гера, который за обращение к нему по полному имени мог и в табло прописать без лишних расшаркиваний. Вот только опять

же, старшим братьям закон не писан, и “Герасим - как же ты прекрасен” и иже с этим, хочешь-не хочешь, а прощать, пусть и сквозь зубы, младшенькому приходилось на постоянной основе.

Эта картинка невольно вызывает у Кобелева тёплую улыбку и сразу же следом обманчивое ощущение “как раньше”, по которому он успел порядком соскучиться.

На то, чтобы выйти из машины самому, достать из неё двойняшек и, открыв дверь жене, попытаться помочь ей выбраться, что, конечно же, остаётся показательно проигнорированным, уходит пару минут. И вот они все уже идут по рукам в самом положительном смысле этой фразы.

Мама, порядком соскучившаяся по внукам, обнимает его с Дилей разом, с чувством целует обоих в щёки, нарекает своими золотыми и тут же переключается на двойняшек, которые только и ждут, чтобы быть затисканными - залюбленными родственниками на целый год вперёд.

Тесть ограничивается коротким, но крепким рукопожатием и отцовскими скупыми объятиями с похлопыванием по спине.

— Здорова, сына. Как добрались? Мне кажется, или ты схуднул? - спрашивает с улыбкой, окинув взглядом с головы до ног и обратно. — Неужели Диларка с работой своей совсем про тебя забыла и кормить перестала?

Смотреть ему в глаза - копии жены, - тяжело пиздец как. И без того перманентно душащее чувство вины сдавливает глотку ещё сильнее, и слова застревают, как те камни в почках, с которыми жить не вариант, а как выходить начнут, так хоть на стену лезь.

Вроде и вести себя так, словно ничего не произошло, по отношению к Кариму, который реально его за сына родного считал и относился соответствующе, совершенно по-ублюдски даже для такого мудилы, как он, и в то же время признаться в содеянном человеку, что своих дочерей холил и лелеял с самого детства - значит сразу все и без того достаточно призрачные шансы вернуть Дилино доверие, перечеркнуть к херам собачьим. Это уже не говоря о том, что тесть, несмотря на почтенный возраст, всё ещё может и под ближайшей сосёнкой прикопать.

— Да я это, бать... - растягивает Гриша губы в кривой ухмылке. — На диете типа.

И называется эта диета “я наломал дров, обидел жену и теперь как уж на сковороде верчусь, чтобы всё исправить”. Рабочая, кстати, тема. Аппетита, благодаря ей, будто и отродясь не было. Да и, как выяснилось за этот месяц вынужденного холостячества, даже меню элитного рестика в центре города с кулинарными навыками Дилары и рядом не валялось.

Если честно, Гриша уже даже и забыл, когда нормально, со вкусом так и удовольствием последний раз ел.

— Во, придумали! Дилька что ль надоумила или в тебя вселился кто? - посмеивается тесть. — Пошли, щас откармливать буду. Я такого марала привез с охоты - еле доперли с мужиками, а то диету они выдумали! Что за диета-то вообще? Ты не заболел, случаем?

Девочки, огромное спасибо за обратную связь, звездочки и библиотеки. Для нас это крайне важно и нужно, поэтому очень рассчитываем на вашу поддержку. Ну, что начинаем знакомиться с семейством наших ребят, надемся, оно вас очаруют))

Глава 5. Гриша

Кобелев уже собирается съехать с неудобной темы с помощью какой-нибудь тупой шутки по типу “чтоб хуй стоял и деньги были”, как в этот самый момент со стороны доносится менторское и одновременно ворчливое:

— Ну, наконец-то! Почему так долго, Дилара? Что за дурная привычка опаздывать, скажи мне, на милость? И, ох, Всевышний, во что ты одета? А дети? Почему Ариша снова не заплетена? В чём проблема потратить на дочку пару минут своего драгоценного времени и привести её внешний вид в порядок? Ты же мама, Дилара!

Он отвлекается от тестя и принимается искать глазами жену, которая в итоге находится в объятиях кракена в платке, то бишь его горячо “любимой” тёщи.

И вот зря говорят о том, что, если хочешь понять какой станет жена через двадцать лет, то посмотри на её мать. Диля с ним тринадцать лет и ни в юности, ни сейчас, ни, Гриша уверен, спустя ещё тридцать лет, она ни внешне, ни характером не похожа и не будет похожа на уважаемую Алию Омаровну. А если всё-таки такое несчастье произойдет, то он, как минимум, поверит в астрологов с инопланетянами и, как максимум, уйдёт вместе с Дилей же жить в лес, ибо обречать мир на такое испытание самый настоящий грех.

— Мама, если ты не заметила, не я была за рулём.

Жена выглядит так, что у него внутри в очередной раз всё жгутом сворачивается. Бледная, осунувшаяся, без блеска в глазах и с синяками под ними же. Вроде бы и пытается казаться собой обычной: живой, как раньше, счастливой и радостной, но ключевое слово здесь “пытается”. И он в душе не чаёт почему родная мать мало того что этого не замечает, так ещё и забивает в крышку гроба свои последние гвозди.

— И хорошо, знаешь ли, - фыркает Алия и принимается поправлять на Диларе шубу длиной до копчика, пытаюсь одёрнуть её ниже. — Иначе бы вы только к следующему Новому году приехали.

Вот же... Тёщца!

Кобелев в два шага преодолевает расстояние, разделяющее их, и раскидывает свои ручки в стороны, чтобы эту прекрасную женщину задуши... Кхм... Обнять, точнее. А то соскучился по любимой, упаси Господь, тещеньке, сил нет!

— Мама, моя ж ты родная, а я? Чего меня не обнимаешь? Иль разлюбила совсем?

Алия к столь неожиданному приступу обожания, естественно, не готова и, прежде чем оказаться в его объятиях, успевает только удивлённо открыть рот. Но тёща не была бы собой, если бы не справилась с эмоциями в рекордно короткие сроки. От недавней гримзы, третирующей собственную дочь, через пару секунд и следа не осталось, на её месте вдруг появляется милейшая женщина шестьдесят плюс, разве что без нимба над головой.

— Ой, зятёчек, ну что ты такое говоришь в самом деле! - принимается причитать она мгновенно изменившимся тоненьким голоском. — Как Я да ТЕБЯ разлюблю?

Гриша сардонически усмехается и, “пообнимав” тёщу ещё пару секунд, чтобы той жизнь мёдом не казалась, наконец, отходит на шаг назад, к жене, и, нежно обхватив ту за плечи, прижимает к себе, без слов говоря “ничего не бойся, я рядом, никому не дам тебя обидеть”.

— Точно? Не обманываешь?

— Гришенька, когда я тебя обманывала, скажи? Всегда чистую правду говорила!

— Даже когда голодранцем убогим называла?

Заискивающая улыбка на круглом лице Алии застывает, превращаясь в маску, и он не может сдержать довольную ухмылку. И абсолютно плевать, что вести себя так с родней некрасиво и откровенно тупо. Но что поделаешь, если у них вот такая интересная “любовь”, причём

абсолютно взаимная и с первого взгляда? Тринадцать лет с того случая пролетело, а он помнит всё так, будто вчера с тещёнкой “познакомился”.

Тоже зима, конец декабря, Дилька также под боком, цепляется за него отчаянно и глазами своими невероятными, заплаканными из-за того му*ения-препода, о которого он через пару часов костяшки в мясо собьёт, просит не слушать то, какую дичь мамка её на всю округу, не стеснясь, несёт.

- ...ты зачем с этим оборванцем русским путаешься, Дилара? - надрывается незнакомая тётка в каком-то цветастом-вырви-глаз халате, периодически срываясь на противный для его, между прочим идеального слуха, фальцет. — Что о нас теперь люди подумают! Это же позор, позорище! Отец с ума сойдёт, когда узнает! Ты, вообще, подумала об этом?! А о сестре своей подумала?! Её же теперь, как и тебя, падшей считать будут! Кто её замуж возьмёт, а?! А тебя кто?!

Под конец тирады этой припадочной у Гриши уже нормально так заложило уши и порядком подгорело, чтобы молча свалить подальше от девчонки, с которой был знаком меньше месяца и от которой ему в лучшем случае снова только булка с маком из столовки перепадёт да короткое держание за ручки в машине, пока никто не видит.

Оборванец оборванцем, а глаза с головой на плечах имелись, чтобы чётко отдавать себе отчёт в том, что обнаглел в край и запал не на ту по всем фронтам. Вот только он Кобелев. А Кобелевы чхать хотели на все можно и нельзя.

И этот раз, несмотря на пусть и небольшой социальный, но явно культурный мезальянс - не исключение, в связи с чем Гриша, выпрямившись, гордо вздёргивает подбородок, берёт Дилькину ледяную ладонь в свою и уверенным, твёрдым, беспрекословным тоном выдаёт:

- Я и возьму, чё разоралась-то, мать, как резаная?

Девочки, огромное спасибо, что поддерживаете нас и делитесь впечатлениями! Ваши комментарии, звездочки - наше вдохновение)

Глава 6. Флешбэк

Тринадцать с половиной лет назад

— И че, парень, сколько с меня? - копошится на заднем сидении мужик в меховой шапке родом из прошлого века и усами оттуда же. — Триста нормально будет?

Вообще за этот километраж Гриша обычно берёт примерно наполовину меньше, но кто он такой, чтобы указывать клиентам, что им делать, правильно?

Триста так триста, мерси сильвупле, как говорится.

— Нормально, дядь.

— На, - три помятые сотки смотрятся в его мозолистых ладонях, как родные. — А это тебе на этот... Как его? На чай, во!

К сотыгам прибавляется ещё более замызганный полтинник, но Гриша только улыбается шире.

Дарёному коню в зубы не смотрят.

Кобелев салютует мужику на прощание. Тот с чертыханием выползает из его красной девятки на мороз, поправляет шапку, натягивая её ниже, и деловито припускает к подъехавшему тут же междугороднему пазику.

Подымив, побряхтев и едва не заглохнув, он через пару минут отъезжает, забрав с собой большую часть кучкующихся на остановке людей, и Кобелев, здраво рассудив, что сейчас вряд ли кто-то на его услуги извозчика позарится, решает выйти покурить и размяться заодно.

После целого дня сидения за баранкой, а до этого несколько дней вкалывания на стройке, мышцы болезненно ноют, будто ему не двадцать четыре, а все девяносто, и он, зажав в губах сигарету, сначала, не жалея себя, жёстко массирует шею, потом ведёт плечами, постанывая от болезненно-приятных ощущений в теле, и для пущего эффекта, аки семиклашка на физре во время разминки, делает ещё рывки руками с поворотом корпуса из стороны в сторону.

Морозный воздух щиплет кожу, из-за чего каждый вдох чувствуется от и до, до самых лёгких. Снег скрипит под подошвами ботинок, ветер, ввиду отсутствия здесь, можно сказать, на окраине города, больших построек, гуляет свободно, как в поле, по-хозяйски забираясь под одежду.

Эх, хорошо!

Сейчас бы, конечно, лучше в баньку, попариться от души, а потом в сугроб по самую макушку, как есть, в чём мать родила, и снова в жару, чтобы все прелести жизни и молодости на полную катушку ощутить!

Мммммм... Кайф!

Но одними прелестями, к сожалению, сыт не будешь и жрать тоже что-то надо, и не только ему, если на то пошло. Ещё не мешало бы маме нормальную зимнюю обувь купить, а то вчера уже подошву клеивал после потепления на предыдущей недели, Игорьку пора закупиться книжками для подготовки к ЕГЭ, а Светке с Геркой, вымахавшим за лето, куртки обновить, чтобы поясами не светили и не отморозили себе жопы.

Ещё малышку бы свою загнать в гараж к кенту с армейки, проверить, что там в ней стучит так подозрительно на скорости... А ещё...

Гриша, продолжая разминаться, разворачивается лицом к остановке и в раз забывает, что у него там было "ещё", потому что среди пары бедолаг, пытающихся спрятаться от ветра в ожидании городского транспорта, который вечно опаздывает, замечает тонкую, невысокую фигурку в длинном белом пуховике, кроя под гусеницу, с ремнём, обрисовывающим узкую талию.

И, казалось бы, что особенного?

Подумаешь, таких сейчас вон, в каждой палатке на рынке завались, было бы только желание, чтобы подобное, с какого-то хера ставшее модным, недоразумение приобрести.

А особенное было то, что эта самая фигурка отчаянно пытается справиться с разошедшейся в самый неподходящий момент пластиковой ненадёжной молнией. Стоять вот так, не застегнувшись, в минус восемнадцать, очевидно, не особо приятно, а в варежках фиг с этой проблемой справишься, и девчонка безуспешно дёргает собачку замка туда-сюда, периодически дыша на задубевшие на ветру ладони и с надеждой посматривая в сторону задерживающегося транспорта.

Другим людям на её мучения обоснованно плевать, самим бы ноги не отморозить, пока до дома доберёшься, и надеяться девчуле остаётся только на себя.

Но Гришу мамка с папкой воспитали в той парадигме, что кидать в беде кого бы то ни было, будь то котенок, ребенок или вредный дед с клюшкой наперевес, нельзя ни в коем случае. А тут, тем более, такая девчуля! И как, скажите на милость, ему остаться в стороне?!

Оглянувшись и убедившись, что никакой умник не вылетит вдруг из-за угла, и не размажет его тушку по асфальту, перебегает дорогу, оказывается рядом с девчонкой и без лишних расшаркиваний заявляет:

— Я помогу, стой смирно.

Она ниже его на голову и приходится согнуться в три погибели, чтобы разобрать в сумерках, что там с этим замком на её пухане не так.

— ... - у девочки открывается рот, но звук не идет.

Она замирает удивлённо, позволив расстегнуть ремень на талии и отвести свои уже порядком замёрзшие ладони от молнии, которая при тщательном осмотре оказывается сломанной без шанса на починку в полевых условиях. Гриша эту собачку и так, и эдак, но китайский ширпотреб на то и китайский ширпотреб, что надеяться на его качество и долгий срок службы также глупо, как ждать, что им на стройке выплатят зарплаты вовремя.

— Мдааа, ну и хуета! - тянет раздражённо и в очередной попытке справиться с замком дёргает тот на себя, из-за чего девчонка по инерции летит на него следом. — Легче вырвать с корнем и...

— Не нужно ничего вырывать! - ожив, нервно подаёт тонкий голосок она, а потом и вовсе вдруг с неожиданной силой для своей щуплой комплекции отталкивает его от себя. — Ты кто вообще такой? Что ты себе позволяешь?! Отойди от меня!

Сил-то у неё на самом деле побольше, чем казалось на первый взгляд, но их, естественно, не хватает, чтобы сдвинуть с места такого шкафа под два метра, как он, и, поняв это, девчонка отскакивает в сторону сама.

От резких движений молния расходится окончательно, полы пуховика распахиваются на ветру, демонстрируя ему аккуратную, ладно сложенную, стройную фигурку, упакованную под верхней одеждой в водолазку и обычные синие джинсы. Девчонка вцепившись в пуховик окоченевшими пальчиками, тут же запахивает его обратно.

— Да я же... - Кобелев поднимает взгляд выше, к нежному личику в обрамлении искусственного серо-жёлтого меха на капюшоне, и ловит себя на том, что замирает, как идиот, с открытым ртом, из которого выпадает недокуренная даже до середины сигарета.

— Ты... Ты... Совсем, да?! - продолжает тем временем возмущаться она, а он оторваться от неё не может. Красивая, пиздец!

Глава 7. Флешбэк

Гриша стоит в одном, ещё в батинном, да пусть земля ему будет пухом, свитере под горло и повидавших виды джинсах на разгневанном чем-то ветру и пялится на неё, словно девок до этого ни разу не видал.

Самое смешное, что как раз таки видал, и нормально так видал, разных причём, как в той песне из начала гламурных нулевых - чёрных, белых, красных, умных и не очень, красивых и, так сказать, на любителя, доступных и недотрог.

В конце концов, нехватка женского внимания в армейке после возвращения на гражданку совсем недавно только притупилась, чтобы одним богатым внутренним миром довольствоваться.

А тут... Вау! Как мешком с цементом по темечку огрели.

Ни дать, ни взять - Шахерезада. Только не из сказки, а реальная, самая настоящая восточная красавица. Гораздо прекраснее, чем рисовала фантазия или снимали в фильмах.

Раскосые, миндалевидные глаза шикарного янтарно-зелёного оттенка. Длинные чёрные ресницы с инеем из-за тёплого дыхания на кончиках. Оливкая, чертовски нежная на вид кожа без капли косметики. Румянец на милых пухлых щёчках. Губы... На них, умеренно полных, небольших и немаленьких, вишнево-ягодных, идеальных, Гриша залипает намертво, когда девчонка на тех же эмоциях продолжает негодовать. Какими именно словами Кобелев не слышит. Просто наслаждается звучанием её голоса и тем, что такая красота с ним, в принципе, говорит.

Это же надо, подфартило как!

Силой воли возвращает взгляд к её нереальным глазам и, наконец, разбирает, о чём она ему с таким жаром толкует.

— ...нельзя так накидываться, понимаешь? Это невежливо!

Нельзя? Невежливо? Серьёзно? Ой, ну, что за прелесть!

Дебильная улыбка сама собой рисуется на губах и вместо Гриши-бомбилы и недосупермена по совместительству на арену выходит Гриша-вижу-цель-не-вижу-препятствий, который, врубив своё фирменное Кобелевское обаяние на полную мощность, уверенно заявляет:

— Я тебя подвезу!

Выбора специально не предоставляет, потому что что?

Правильно! Если спрашиваешь, значит, уже заранее остаёшься в пролёте, а таким макаром по жизни далеко не уедешь. Он эту простую истину ещё подростком понял и отныне на подобную хрень время не тратил, беря своё нахрапом, ишачанием круглыми сутками без выходных и тем же неотразимым обаянием, перед которым редко кто мог устоять.

Вот и красotka эта, явно не ожидав такого развития событий, забывает о чём только пару секунд так яро негодовала, теряется, ошеломлённо моргает и спрашивает:

— К-ку-куда?

— А куда тебе надо? Домой? На работу? Со мной на край света? Обещаю, не пожалеешь!

Она теряется ещё сильнее, смотрит на него, как на пришельца, и это такое милое зрелище, что парень просто-напросто пропадает из-за её столь искренней, не наигранной, чисто девичьей реакции, бесповоротно. В раз причём. Да с такой лёгкостью, что даже опомниться не успевает, как внутри всё загорается, словно кто-то там кострище разжёл в несколько гектаров размером, и уже зима-не зима, минус восемнадцать - все летние сорок и ветрище - ласковый, морской бриз.

— Я - Григорий, - улыбается шире и приосанивается, позволяя разглядеть себя неповторимого во всей красе. — Для тебя можно просто - Гришенька.

Глаза напротив распахиваются от ещё большего удивления и даже пухлые губки приоткрываются, снова перетягивая всё его внимание на себя.

Эх, ну, что за девочка сладкая! Ладная вся такая, хорошенькая, манкая.

Кобелев, не выдержав, облизывается, как кошка на сметану.

— А тебя как зовут? - делает шаг вперёд, к ней, но вдруг его, как этого самого кошака, щёлкают по носу и выкидывают за шкурку на мороз, не дав и на сантиметр приблизиться к любимому лакомству.

Девчонка, словно очнувшись ото сна, отпрыгивает на добрый метр в сторону, сильнее вцепляется пальцами в свой ставший халатом на запах пуховик, обжигает взглядом в стиле “с такими не танцую”, а потом и вовсе быстро сбегает в подъехавшую к остановке маршрутку.

В ней, как вводится, народу уже битком, но для такой малышки это не проблема, и в долю секунды её белый силуэт растворяется среди чёрных, серых, рыжих и прочих цветах курток, шуб и пальто.

Гриша, оставшись стоять столбом, только моргнуть и успевает, наблюдая за тем, как жёлтая газелька, таракча на всю округу, трогается с места и увозит его девочку прочь.

— Ндаааа, парень, - комментирует со смешком кто-то из зрителей его неудавшегося подката. — Не подфартило чутка. Девчонка не так проста оказалась. Лихо она тебя, конечно, лихо...

И вроде бы в пору, как минимум, засмущаться или, как максимум, разобидеться на неё за то, что не оценила его намерения, но Кобелевы, отродясь, знать не знали, что такое неловкость со стыдом, а он, как самый старший и самый наглый из четырёх детей в семье, так тем более, и гордость его не очень-то просто было задеть. Да и в целом скромность - это роскошь для голи перекатной типа него, которому и без того эта нищета уже поперёк горла, если честно, а обидчивость - удел неуверенных в себе идиотов, не умеющих справляться с поражениями и добиваться своего любыми методами и способами, как бы тяжело и сложно не было. К тому же её реакция говорит о том, что девочка явно не из тех, для кого заигрывание с первым встречным в порядке вещей, и этот факт не может Гришу, привыкшего к более сговорчивым, доступным и падким на его напор девкам, не зацепить.

Поэтому на слова прохожего он лишь хмыкает согласно, мол, да, реально лихо, и возвращается в машину в ещё лучшем настроении, чем из неё выходил.

Интуиция - его верная, сильная, никогда не обманывающая спутница, нащёптывала на задворках сознания, что это только начало, и не верить ей у него оснований не было, что и подтверждается на деле через пару дней.

Глава 8. Флешбэк

Гриша снова бомбит в свои выходные после смены на стройке. Снова у него в пассажирах мужик с усами и меховой шапкой, которую он наверняка хранит дома в шкафу, надев на трёхлитровую банку, отвоёванную у жены осенью из-под закруток. Снова пункт назначения та самая остановка почти на выезде из города, а на ней в том же белом, но уже с исправленной, полностью застёгнутой молнией свет очей его - Шахерзада.

— Нет, ну, точно судьба! - радуется он, как ребёнок сладкому подарку под ёлкой и, кинув заплаченные мужиком три сотки на торпеду, выскакивает из машины, опять в чём был, толком не одевшись, и во весь свой бас зовёт. — Девушка! Девушка! Это я!

Сегодня на остановке людей гораздо больше, чем в прошлый раз, и кто-то оглядывается на него с удивлением, кто-то - с недоумением, кто-то - даже с раздражением, но Кобелева интересуется только фигурка в белом, которая в отличие от остальных замечает его самая последняя.

Сначала просто смотрит в сторону, откуда должен подъехать транспорт, щурится от летящих в лицо снежинок и думать не думает, что её судьба в его лице совсем рядом, в считанных метрах.

— Девушка! - машет руками, нетерпеливо подпрыгивая на месте, в ожидании пока стихнет поток тачек, чтобы перебежать через две полосы к ней. — В белом! Помнишь меня? Я Гриша!

Девчонка, наконец, поняв, что он обращается не к кому-то, а конкретно к ней, поворачивается на звук голоса и... Коболев всматривается сквозь мельтешащие туда-сюда машины и начавшийся снегопад, и чертыхается, потому что с этой точки толком свою красавицу разглядеть не может.

— Узнала меня? Узнала же?

Народ за неимением другого развлечения переводит любопытные взгляды на неё, из-за чего она неловко переступает с ноги на ногу и вжимает голову в плечи, похоже, смущаясь столь неожиданного повышенного внимания.

— Подожди! Я сейчас! Секунду!

И только поток немного стихает, только Гриша кидается вперёд со стойким ощущением, что у него за плечами, как минимум, крылья выросли, как сценарий повторяется заново - подъезжает маршрутка и девчонка испаряется, словно видение. Из рук, можно сказать, уходит! Запрыгивает в переполненную газельку и, словно её и не было никогда

— Да твою ж налево! - психует он с непривычной для себя невезухи, снова оставшись за бортом. — Кошки-мышки, блядь, какие-то!

Правда, долго переживать из-за провалов не в его привычке и характере, да и не сказать, что для этого есть время, особенно, когда их бригаду переводят на новый объект, который в ближайшем будущем, благодаря их стараниям, должен превратиться в элитный райончик, где, чтобы купить дом, лично ему, нужно продать не только две своих почки, но и всех братьев в придачу, и то не факт, что хватит.

Добираться до него из дома неудобнее, чем до предыдущего, ещё и условия на порядок хуже: в бытовках ни погреться толком, ни пожрать, ни умыться, ни по нужде сходить нормально, а зарплату не то, что не повышают, так ещё и с частой завидностью, суки, задерживают.

Мама, конечно, каждый раз собирает ему обед с собой, но греть-то его где? Поэтому, помучившись пару смен, они с мужиками находят единственный выход - столовка рядом с медуниверсом, один из корпусов которого располагается как раз таки недалеко от объекта, где им приходится вкалывать в любую погоду и независимо от времени суток.

Готовили там по заветам старого доброго совка - дешёво и сердито, и о вкусовом наслаждении можно было даже не думать. Съедобное, горячее, недорогое и ладно. Только приходи-

лось со студентиками, конечно, побороться за свободные места, ибо Гришин обед и их друг с другом по времени совпадали, но эти умники в белых халатах под пуховиками и с сумками, полными тетрадок с книжками, с ним, небритым бугаём в рабочем, связываться не решались, что опять же говорило о них, как о людях умных.

И в один из таких заходов, Кобелев в гордом одиночестве, так как остальные мужики свинтили в столовку пораньше и соответственно уже закончили с трапезой, взяв себе обед и посетовав на оставшиеся после жалкие двести рублей до зарплаты, об очередной задержке которой уже ходили слухи, оглядывается в поисках места, где бы ему сесть, и в самом конце полного людей зала, в углу, замечает стройную фигурку в подозрительно знакомой водолазке и джинсах.

Девчонка сидит одна, подперев щеку ладонью и полностью погрузившись в чтение конспекта, не обращая внимание на стоящий вокруг гул.

Перед ней тетрадка с ручкой, учебник, поднос с одной единственной, уже пустой тарелкой и наполовину полный стакан с компотом. Шикарные густящие чёрные волосы, которыми Гриша сейчас имеет удовольствие любоваться в первый раз, так как в прошлые их встречи у неё на голове была шапка, заплетены в строгую толстую косу длиной до самой попы, не меньше, на лице по-прежнему ни намёка на косметику, на глазах обычные очки, добавляющие ей ещё большей миловидности и вместе с тем правильности. Белоснежный, аккуратно сложенный халат покоится на спинке стула, ассоциативно напоминая собой её пуховик.

Вся такая прехорошенькая, умненькая пай-девочка, к которой его тянет так, что он даже ног не чувствует, когда летит к ней. За грудиной снова пожарище, на губах - улыбка во весь рот, а в голосе непоколебимая уверенность и неприкрытая радость, когда, опять же не спрашивая разрешение, Гриша садится рядом и заявляет:

— Ну, здравствуй, жизнь моя! Скучала?

Она реагирует не сразу - с трудом отрывается от тетрадки с исписанными от и до листами беглым, но достаточно аккуратным почерком, небрежно поправляет очки, мажет по нему равнодушным взглядом и снова возвращается к конспекту.

Проходит секунда, вторая, третья... Кобелев, решив, что не узнала, открывает рот, чтобы снова её позвать, как девчонка, видимо, наконец, осознав, кто именно к ней подсел, вдруг напрягается, резко прижимает тетрадь к себе и вскидывает свои ведьминские глаза на него.

В них шок, узнавание, настороженность с чётко читающейся опаской, и он тонет. Просто тонет. Безо всяких “если” и “может быть”.

Не пишите, не звоните, как говорится. Был пацан и нет пацана.

— Ты?!

Глава 9. Флешбэк

Мелодичный, нежный голос звенит тревогой наполоам с нешуточным удивлением и отзывается за рёбрами приятной вибрацией.

— Я! - кивает он, продолжая улыбаться, как дурак.

— Что ты здесь делаешь? Ты... - тоненькие белые пальчики с аккуратными короткими ноготками напряжённо сминают уголки тетради. — Ты что, следишь за мной?!

— А хочешь? Я могу, если надо.

Он, конечно, угарает, флиртуя с ней напропалую, но девочка похоже этого не понимает и обеспокоенно хмурится, кажется, выбирая между тем, чтобы плеснуть в него остатками своего компота или дать стрекача, предварительно окунув его в его же ещё нетронутый суп.

— Я шучу-шучу, расслабься, - миролюбиво вскидывает ладони с явными, определяющими его, как человека зарабатывающего на жизнь тяжёлым физическим трудом признаками. — Правда, шучу.

Компот остаётся в стакане, суп - в тарелке, а девочка сидеть с прямой спиной на стуле напротив, по-прежнему прижимая к себе свои драгоценные записи, будто всерьёз опасалась, что Гриша их у неё отберёт.

Забавная какая... Трогательная, что сил нет! Так бы и затискал всю, заобнимал.

— Что тебе от меня нужно? Почему постоянно мне попадаешься, а?

— Это не я.

— В смысле? - хмурится ещё сильнее и, напустив в голос строгости, добавляет. — Снова шутишь?

— Нее, какие тут шутки. Дело серьезнее некуда!

— Тогда почему не ты?

— А потому что это не я тебе постоянно попадаюсь, а судьба нас сводит, - Кобелев с самым серьёзным видом, на который только способен, кивает, мол, да-да, представь себе, сам в шоке. — Сначала тогда, на остановке, когда я просто хотел тебе помочь, теперь здесь. И, ладно, один раз - случайность, два - совпадение, ну, а три - это уже заявочка на неизбежное знакомство и дальнейшее общение.

И кто сказал, что натянуть сову на глобус невозможно? Он при желании и не такое исполнить мог. Правда, девочка, демонстрируя стойкий иммунитет к его обаянию, что, в целом, явлением было необычным и непривычным, на все, казалось бы, железобетонные доводы лишь скептически приподнимает брови и фыркает:

— Неубедительно.

— Совсем-совсем?

— Абсолютно.

— А если я скажу, что знать-не знал, что увижу тебя тут и просто заскочил в обеденный перерыв поесть? Поверишь тогда в судьбу?

— Это тоже не судьба, а непрофессионализм твоего начальства, которое не смогло предоставить своим сотрудникам надлежащие условия труда.

Гриша откидывается на спинку стула, озадаченно чешет черепушку, взлашмачивая отросшую шевелюру, и понимает, что легко не будет.

Это не Шахерезада, а крепкий орешек какой-то. Он ей про фатум, а она ему про непрофессионализм с... как там?... надлежащими условиями труда, да?... Точнее о их полном отсутствии.

— Хорошо, а что тогда судьба, по-твоему? - решает зайти с другого фланга. — Веришь вообще в неё?

Девочка слегка расслабляется, оставляет тетрадку в покое, вернув её на стол, и снова поправляет очки, вместе с тем неосознанно в смущении пригладив волосы.

Ну, что за милота, боже!

Гриша сейчас мороженкой, растаявшей на солнце, под стол на грязный пол стечёт, вот реально.

— Нет, не верю. Судьба - это перенос ответственности с себя на какую-то третью, невидимую силу, тогда, как человек сам и только сам в ответе за себя, свои поступки и их последствия.

Вот это да! Он, не ожидав столь серьёзного, глубокого ответа, тупо моргает пару раз, снова проходится пятернёй по затылку, невольно чувствуя себя мелким дурачком рядом со взрослой, мудрой тётей, и не может не восхититься.

— А у тебя не забалуешь. Я понял, хорошо, тогда... - лихорадочно шевелит мозгами, пытаюсь от своей умницы-разумницы не отставать и при этом далеко от главной, очень волнующей его темы не уйти. — Что насчёт любви с первого взгляда? В неё веришь?

На девичьих щеках после этих слов неожиданно разливается очаровательный румянец.

Янтарно-зелёные глаза, до этого момента относительно спокойно смотрящие ему в лицо, смущённо прячутся за веером густых чёрных ресниц, а пальчики принимаются вновь мучить тетрадные листы, на этот раз взволнованно их перебирая.

Застеснялась, его красота... Ой, как сладко застеснялась!

Гриша, подставив под щёку кулак, заворуженно замирает на этом потрясающем зрелище, пленённый ей окончательно и бесповоротно.

Какой там обеденный перерыв? Какой суп? Куда все люди в столовой, что только пару минут назад галдели на всю округу, делись? Такое ощущение, что в мире, кроме них двоих, больше нет никого, а он сам, этот мир, замер.

— Я... Кхм... Может быть, - преодолевая смущение, тихо отвечает она спустя короткое молчание. — Не знаю... Не уверена.

— Я тогда за двоих буду уверен, потому что я ещё как верю. Вот прямо сейчас сию, смотрю на тебя красивую и верю.

Девочка снова поднимает взгляд на него, то ли пытаясь понять всерьёз он, то ли просто потому что, как и сам Гриша, не может не смотреть.

А Грише на самом деле не до шуток совсем. Гришу тянет... Магнитом тянет и сопротивляться он точно не собирается, потому что всем нутром чувствует, что это взаимно.

Глава 10. Флешбэк

— Ты... - хочет ещё добавить что-то такое же романтически-заигрывающие, как его прерывает группа студентов, сидящих за соседним столиком, которые вдруг подрываются с места, как ужаленные, с криками:

— У нас две минуты! Опаздываем-опаздываем-опаздываем!

— Эээ... - в итоге выдаёт он, сбившись с мысли, но девочка этого не замечает.

Она отвлекается на своих собратьев по учёбе, смотрит на них растерянно, пару раз моргает, будто пытается мысли в кучу собрать, и через секунду подрывается следом, пытаясь одновременно запихнуть в тяжёлый на вид рюкзак тетрадку с учебником и натянуть на худые плечики медицинский халат.

— Стой-стой-стой, ты куда?

Гриша тоже вскакивает на ноги, помогает ей справиться с халатом и ловит нежную, небольшую ладошку в свою огромную и наверняка похожую на ошупь наждачку, удержав на месте.

От былой атмосферы, царящей между ними совсем недавно, остаётся лишь приятная щекотка где-то в районе ускорившего свой бег сердца.

— Занятия! Я опаздываю!

В глазах, что действуют на него похлеще маминой фирменной вишневой настойки, блещут паника с остатками смущения, которым он готов дышать вместо воздуха, и его, нависшего над ней горой, отражение.

Такая она, конечно, маленькая, хрупкая, а по сравнению с ним и вовсе дюймовочка настоящая.

Так бы и прижал к себе! А ещё лучше себе бы забрал с концами! Чтобы не на судьбу надеяться, а каждый день рядом видеть.

Не хочется её отпускать... До чёртиков просто не хочется!

— Имя своё скажи хотя бы!

— Я... - кусает губы, метаясь глазами между ним и выходом из столовой. — Дилара. Меня зовут Дилара.

— Дилара... - смакует на языке. — Дила-а-ара... - ласково поглаживает её ладонь с мягкой улыбкой. - Красиво! Тебе очень идёт.

Девушка снова краснеет и предпринимает очередную попытку сбежать, но от Кобелевых не сбежишь.

— А меня? Меня помнишь как зовут?

Кивает в ответ и вспыхивает ещё сильнее, из-за чего он отлетает из реальности окончательно, потому что настойчиво не просит даже, приказывает:

— Скажи.

— Мне некогда!

— Скажи и отпущу. Одно слово. Честно, отпущу!

Она упрямо тянет руку на себя, добившись этим только того, что парень встаёт к ней впритык, и тут же, испугавшись неожиданной близости, уступает, едва слышно выдохнув:

— Гриша...

— Нет, неправильно. Для тебя по-другому было. Ну же, вспоминай, жизнь моя!

Её щёки уже не просто горят, они пылают. И бездонные глаза им не уступают, плавя его смесью из неловкости, робости, интереса и недовольства.

— Можешь шёпотом, на ухо, - наклоняется к ней, не скрываясь шумно втянув носом едва слышный аромат чистоты, свежести и чего-то ещё, исключительно женского, что испокон

веков берёт города, проливает кровь и превращает мужиков из баранов в адекватных людей и обратно бесчисленное количество раз за жизнь.

Мир вновь затихает, будто кто-то поставил на беззвучный. Одно лишь сердце грохочет, разгоняя жар вместо крови по сосудам и отсчитывая секунды до того, как она, наконец, перестанет молчать.

Одна, вторая, третья, четвёртая...

— Гришенька... - горячее дыхание опалает щёку. — Гришенька! Теперь правильно?

Вырвав ладонь, тут же стремительно исчезает в толпе студентов, как и она, спешащих на пары, оставляя его, счастливого донельзя дурака вновь смотреть ей вслед.

И, казалось бы, ну, что в этом такого? Всего лишь имя. Всего лишь девчонка. Всего лишь рука в руке, а торкает Гришу так, что он, по-русски говоря, день с ночью путает, о ней забыть не может и специально свой график меняет, чтобы попадать на обед в её перерыв.

Так и сидят теперь каждый день в столовой, за тем самым столом в углу, забив на любопытные взгляды окружающих.

Диля, Дилечка, Дилара всё также из-за него смущается, строго и вместе с тем проникновенно-заинтересованно смотрит и на все Гришины очевидные подкаты реагирует либо стоически молча, либо вкусной робостью, либо ответными небольшими, но всё же шажками навстречу.

Ей плевать на его вид в рабочей робе, в которой он гастарбайтер гастарбайтером, на вид деятельности в целом и что явно от её ровесников и внешне, и морально из-за своего шептунского характера отличается.

Она всё чаще и чаще смеётся над его шутками и, кажется, заметив, что у него из-за такой задержанной зарплаты, начальство, суки, чтоб вам там икалось, в карманах опустело окончательно, а жрать да и видаться с ней на постоянной хотя бы под предлогом совместного обеда хочется всё также, принимается подкармливать на свои кровные.

— ...возьмёшь? - подталкивает к нему ближе румяный пирожок с картошкой и яйцом в целлофановом пакете. — Если хочешь, конечно...

И, конечно же, Гриша хочет! И не один пирожок, если уж на то пошло, но Диларке знать об этом рано, сбежит ещё, недотрога его. Да и денег сегодня ему хватило лишь на тарелочку щей с одним куском хлеба, а пахать ещё до ночи... Снова мороз, как назло, шарахнул. Но всё же как-то не комильфо у девчонки еду отбирать, тем более, у девчонки, на которую у него планов на всю жизнь вперёд.

— А сама чего не съешь?

— Не хочу, - как бы равнодушно пожимает плечами и отводит свои омуты в сторону, чтобы не смог подловить.

— Потом захочешь.

— Я домой через полтора часа уеду, там мама уже, наверняка, пирожков противня два испекла, а они у неё, знаешь, какие вкусные?

— Ой, не травми душу, Диль, - чуть не давится слюной.

— Вот-вот! Этот столовский ни в какое сравнение с ними, так что... Заберёшь себе? Или, ладно, если тоже не хочешь, я своему лучшему другу отдам...

— Заберу-заберу, жизнь моя! Не угрожай этим... как там его... лады?

Ещё не хватало, чтобы она этого своего малосольного - не в закуску, не в салат, - кормила вместо него. Ага, счас! У Гриши на "лучшего друга" и без того зуб уже имеется, этому смертнику пора о месте смены жительства задумываться.

Глава 11. Флешбэк

— Спасибо! Съем с удовольствием.

Диля довольно улыбается, кивает, желая приятного аппетита, а на следующий день со словами “Я что-то много себе взяла сегодня. Не съем столько. Поможешь мне?” выставляет перед ним первое, второе, третье и кружку горячего чёрного кофе с молоком без сахара, как он любит, а сама остаётся с тарелкой винегрета и стаканом ярко-розового киселя.

— Эээ... - Кобелев замирает с подносом, на котором стоит одна единственная тарелка с позавчерашними макаронами и заветрившейся котлетой, купленные им по большой скидке, в двух шагах до столика.

Мало того, что в аут его отправила своей щедростью, так ещё и выглядит сегодня так, что дар речи пропадает в раз.

Вместо свитера с джинсами шерстяное платье, подчеркивающее все достоинства её соблазнительной фигуры, волосы заплетены иначе, не в привычную низкую косу, а убраны в высокий хвост, но самое главное - губы. Точнее слегка заметный, малиновый блеск на них, неуклонно притягивающий к ним взгляд, из-за чего Гришу откровенно мажет. Без шансов так. Капитально.

— Ещё вот... - достаёт из сумки вязанный тёплый шарф чёрного цвета. — Ты говорил, что у тебя кто-то твой по ошибке забрал, и я... Возьми, в общем, хорошо? А то холодно очень. Вдруг простудишься?

Мило улыбается, кладёт шарф на стол и складывает ручки на коленях, как примерная ученица. Его же хватает только на то чтобы с трудом слотнуть и мысленно попросить сердце, рвущееся к ней, как преданный, давно не видевший свою хозяйку пёс, остаться с ним ещё ненадолго, а то как он без него? Да и без неё теперь... Как?

Холодно, говорит... Вдруг простудишься...

Ха, да у него иммунитет, как у слона, это уже не говоря о том, что в целом здоров, как бык, закалён с детства, да и шарф свой на следующей же день после его пропажи, вычислив недоумка на него позарившегося нифига не по ошибке, себе вернул. Вот только знать об этом Дилечке не обязательно. Дилечка о нём позаботилась. Дилечка о нём подумала!

Ох, мля... Что творит только? Сама-то хоть понимает? Или так, чисто на инстинктах и нормальном женском желании своего мужика обогреть и вниманием окутать со всех сторон, действует? А то, что он её - это уже факт. Неоспоримый. Впрочем, как и она его.

— Сама же связала, Диль? - выдавливает на выдохе, чтобы контрольный себе пустить.

Она тут же смущённо утыкается себе в тарелку и неопределённо ведёт точёным плечиком.

— Делать вечером нечего было, вот и...

Ага, нечего. В зачётную-то неделю на втором курсе меда! Ну-ну, допустим, он верит.

— Эх, Диля...

Гриша, наконец, отмирает, на негнущихся ногах подходит к столику и садится напротив. Но мало... Уже чертовски мало и, немного подумав, плюёт на всё и пододвигает свой стул к Диларе вплитык, отчего она снова очаровательно краснеет и робко стреляет в него своими янтарно-зелёными из-под ресниц.

Бах! В яблочко! Прямоком меж глаз и сразу в цель. Не девочка, а снайпер. Его такому даже в армейке не учили, а он, на минуточку, ВДВшник.

Подставив ладонь под щёку, впивается в неё глазами и ловит нехилое такое удовольствие от того, что расстояние между ними в сантиметр, максимум, и что Диля не отсаживается, и что в его полном распоряжении возможность любоваться ею вот так, в открытую.

Не то, чтобы он раньше так не мог и не делал, просто сейчас у Гриши как будто на это появилась полная, бесспорная легитимность.

— Дилар... А у нас завтра свидание с тобой.

Девушка удивлённо моргает.

— Да?

— Да.

— А почему я не в курсе?

— Ну, как это ты не в курсе, я же только сказал.

— Гриша, я не могу, у меня...

— Нееет, жизнь моя, - отрицательно качает головой с предовольной улыбочкой. — Неправильно. Гри-шень-ка.

Она возмущённо цокает, качает головой, мол, ну, откуда же ты такой невыносимый взялся, и, в конце концов, не выдержав его взгляд, отворачивается. Вот только Кобелевых этим не возьмёшь! Их, вообще, хрен чем возьмёшь, если уж на то пошло. Ни голодом, ни безденежьем, ни отсутствием перспектив как таковых на светлое будущее. Ядерная война и то, наверное, мимо. А отказами, пусть и не прямыми, а каждый раз под каким-то уважительным предлогом, в свидании тем более!

— Во сколько ты завтра заканчиваешь?

— Я, кажется, ещё не дала своё согласие.

Гриша хмыкает и, обнаглев в край, накрывает её ладони, до сих пор лежащие у неё на коленях, своей, а после в первых, так сказать, рядах любителю фейерверком смущения на красивом нежном личике.

— Когда кажется, знаешь, что нужно делать?

Дилечка, для которой такое беззастенчивое проявление чувств на публике - край сумасшествия и бесстыдства, похоже, находится в шаге от того, чтобы провалиться сквозь землю, но всё же прикосновение не разрывает и даже шевелит пальчиками, легко сжимая его ладонь в ответ. Это своего рода зелёный свет и Коболев жмёт педаль газа в пол, не следя за спидометром.

— Нужно думать обо мне. И соглашаться со мной. И обни...

— Ну, это уже слишком!

— Это я на будущее, Диль, типа на вырост, - смеётся, а сам невольно напрягается в ожидании ответа. — Так во сколько мне тебя завтра забрать?

По ощущениям проходит несколько часов, а по факту скорее всего не больше минуты, прежде чем его красота, наконец, нарушает своё молчание, тихо проговорив:

— Завтра я заканчиваю в семь.

Да! Да! Да!

Гриша с трудом удерживает себя на месте, чтобы не пуститься в пляс от радости.

— Тогда договорились, Дилечка. Завтра в семь!

Глава 12. Флешбэк

А завтра плавно перерастает в послезавтра, послепослезавтра, и к каждодневному совместному обеду добавляется ещё парочка, будто украденных, часов по вечерам. Вдобавок ещё, наконец-таки, выплачивают зарплату и очень удачно подворачивается несколько подработок, благодаря чему у Гриши получается Дилечку не только из пункта А в пункт Б перевозить, но и развлекать с помощью кино, кафешек и цветов с шоколадками в счёт своих трат на тот же обед, сигареты или каких-нибудь не особо важных ништяков для машины.

— Ты подожди, Диль, - обещает, вручив девушке очередные купленные в уличном ларьке и оттого замёрзшие три розочки. — Вот я выбьюсь в люди и буду тебе такие букеты дарить, что обхватить не сможешь! И в рестораны пойдем и на моря поедем...

— Я, конечно, не против, - прерывает Диля его тираду, уткнувшись с улыбкой в горемычные кипельно белые бутоны. — Но меня и сейчас всё вполне устраивает.

И не врёт же! Не набивает себе цену или не боится его чувства ранить, а на самом деле абсолютно спокойно довольствуется тем, что он пока ей может предложить. Господи, храни китайцев, шьющих ширпотреб в подвалах! Если бы не её пуховик со сломанной молнией...

Ну, ничего! Годика три-четыре и в соболях у него ходить будет! У него и без неё было для кого задницу рвать, чтобы из нищеты вырваться, а теперь тем более, назад пути не было.

Дилечка ведь, судя по её рассказам, в отличие от него из хорошей полной семьи с нормальным, средним достатком, которого хватает, чтобы комфортно жить и не перебиваться от зарплаты до зарплаты.

Как он может её в свою бедность после такого затянуть? Нет, Гриша, конечно, с мамой и братьями последний хер без соли не доедают, крутятся как-то, выживают после неожиданной папкиной смерти, случившейся, когда сам Гриша был в армии, но вот и именно что выживают. А хотелось жить. Нормально жить, а, если честно, лучше всех. Чтобы мама на своём заводе не упыхивалась, чуть ли не приползая домой после каждой смены, и не считала копейки в магазине, чтобы младшие выучились, людьми стали и зарабатывали на жизнь не чёрным трудом, как он, а сидя в каком-нибудь тёплом офисе с кофемашиной и секретаршами в коротких юбках под боком. Да и самому хотелось, наконец, себя человеком почувствовать - машину заменить, море в первый раз в жизни увидеть и в общем позволить то, что позволить раньше не мог. Девочке своей, например, вдобавок к цветочкам с конфетами цацки какие-нибудь купить или тот же телефон с откушенным яблоком на корпусе, чтобы конспекты свои на нормальную камеру фоткала.

Ну, ничего-ничего, впереди всё! И у него одного, и у них двоих, как целое. Идея и план у него имеется, со стартовым капиталом сложнее, но к счастью, есть у кого занять, да и кредиты не зря придумали. Кабала, безусловная, и риски, но тут уж выбирать не приходится.

— Завтра во столько же заканчиваешь? - лихо выкруливает с университетской парковки в сторону центра и, не в силах держать руки при себе, сгребает Диля ладонью своей и прижимает к груди.

Диля уже не дёргается, пытаясь удержать дистанцию, лишь только привычно улыбается смущённо и вздыхает, похоже, уже смирившись с тем, что он у неё такой дикий.

Не, ну, а что поделаешь, когда стоит только её увидеть и оказаться рядом, как голова отключается и первобытное что-то в груди поднимает голову? Когда хочется и за ручки подержаться, и не только за ручки, и в берлогу к себе утащить, спрятав ото всех.

Гриша и так, как может, сдерживается, помня про её характер, воспитание, традиции, в которых выросла, и то, что он у неё во всех смыслах первый в принципе, а это, учитывая уже его буйный характер и крутой нрав, ого-го-го какой подвиг!

— Нет, позже.

— Позже? - удивляется. — Куда ещё позже, Диль?

И так её в восьмом часу вечера забирает, а тут ещё позже?!

— Мы задерживаемся же не просто так, а чтобы автоматом зачёты и экзамены получить, понимаешь? Чем больше автоматов, тем проще будет потом, на сессии.

— Не, как скажешь, жизнь моя, я ничего против не имею, только скажи во сколько тебя завтра ждать и всё.

— Но я не знаю точно.

- А примерно?

Хмурится, прикидывая в уме, и послушно переплетает свои пальцы с его. Хорошоооо... Там, за окном, зима во всём своём великолепии, мороз трещит, Новый год на носу, а у него внутри горячо-горячо и её рука в ладони.

— Эм... В часов девять, наверное?

— Приеду в восемь.

По итогу, чувствуя какой-то непонятный напряг весь день, приезжает ещё раньше.

В тачке, несмотря на очередной впечатляющий погодный минус, не сидится, хотя устал, честно говоря, как собака. На стройке сегодня выходной, а следовательно свободный день для колыма, после которого теперь ноют мышцы и то и дело хочется зевать. Вот только что-то всё никак покоя не даёт, зудит где-то на задворках, вынуждая нарезать круги по парковке и то и дело тянуться к своему старенькому самсунгу, чтобы набрать Дилин номер, но...

Нельзя. Учится же его красота. Помешает ещё, а она у него на красный диплом метит да и вообще... Ничего же не произошло, разве нет? Или...

Замечает её, вылетевшую из здания пулей в распахнутом пуховике, с открытым рюкзаком, из которого на ходу едва не вываливается всё содержимое, и, мало того, что без шапки, так ещё и с распущенными волосами, что развеваются на ветру чёрным плотным водопадом. В груди мигом всё обмирает в нехорошем предчувствии...

— Диля! - зовёт её громко, когда она на полном ходу двигает в противоположную от него сторону. — Диль!

Но не слышит. Так и несётся куда-то, не обращая ни на кого и ни на что внимание, и... Плачет? Да, точно. Хрупкие плечики то и дело вздрагивают.

Гришино сердце ухает в пятки, а с языка уже срывается недоумённо-шокированное:

— Какого хера?!

Бросается ей наперерез и, догнав в три прыжка, хватает за плечи и разворачивает к себе лицом, а оно...

Зарёванное. Глаза красные, воспалённые, крупные слёзы катятся по красным щекам и губы припухшие, искушенные.

Его красивая, родная, маленькая плачет... Горько плачет.

От этого зрелища нутро в морской узел само собой сворачивается, и ком в горле доступ к кислороду перекрывает так, что он едва из себя выдавливает глухое:

— Дилар... Что?

Она надрывно всхлипывает и принимается лихорадочно вытирать лицо, но только сильнее размазывает солёную влагу по коже.

— Диля... Что случилось? Тебе плохо? Больно?

В ответ лишь молчание и новый всхлип, а потом ещё один, и ещё... И, перестав бороться с собой, Диля разжимает ладони, из-за чего рюкзак со стуком валится на снег, делает шаг вперёд и с рыданием утыкается ему в грудь, неожиданно крепко для её комплекции обняв за пояс.

Гриша с готовностью стискивает её в объятиях, вжимая в себя с такой силой, что, кажется, ещё чуть-чуть и может ненароком что-то в этой тонкой фигурке сломать. Зарывается, наклонившись, в волосы на макушке, дышит тяжело и загнанно, слушая, как свет очей его

плачет, и впервые в жизни чувствует себя слабым и беспомощным. Даже, когда об отцовском уходе узнал, по-другому отреагировал, а сейчас...

Эти её слёзы душу, сердце, волю на разрыв и в клочья. И хреново так, что в пальцах дрожь появляется. И мир, в котором что-то или кто-то стал поводом для её расстройства, тянет в бараний рог свернуть.

Но это после, да. Сейчас вот красавицу свою успокоит, от холода спрячет и...

— Гри-ишеньк-ка... - сквозь рыдание и в первый раз по своей воли. — Т-ты зд-десь...

— Ну, конечно, я здесь. Я теперь всегда здесь, жизнь моя. Не прогонишь.

Она вопреки ожиданиям начинает плакать с новой силой, жалобно вздрагивая в его руках.

Да что, чёрт возьми, стряслось-то?!

Глава 13. Флешбэк

С шумом втягивает морозный воздух носом, призывая себя к спокойствию. Ей и так сейчас несладко и надо бы эмоции свои пока у себя же и придержать. Вот пусть поплачет сначала ему в жилетку, выплеснет всё, придёт в себя и потом уже можно будет устраивать разбор полётов.

— Хорошо-хорошо, Дилечка. Поплачь... Только пойдём в машину, ладно? А то сляжешь завтра ещё с пневмонией, не дай Бог, а у тебя же учёба, зачёты, автома...

— Не хочу! - вдруг резко вскидывает голову и смотрит на него ещё более красными глазами. — Не хочу!

— В машину не хочешь? Но холодно же... Замёрзнешь.

- Сюда не хочу! Он... - судорожно вздыхает и бросает взгляд на здание универа, в котором сейчас горит лишь одно единственное окно на третьем этаже. — Нет! Не вернусь! К тому же зачёт я теперь всё равно не получу, а следовательно и до сессии не допустят, и не видать мне стипендию и... Отчислят. Точно отчислят!

— Подожди-подожди, почему не получишь? Почему отчислят-то? Ты же самая умная у меня!

Но Дилара его снова будто и не слышит, продолжая накидывать на своё будущее всё более и более нерадостные перспективы.

— Папа не сможет столько заплатить, если стипендию отберут... Да и смысл? Этот... Этот... Не даст мне теперь доучиться... Ох, и мама... Мама убьёт! Скажет, что я сама виновата, а я... Я же ничего-о-о такого-о-о... - начинает опять рыдать навзрыд. — Я же только тебя-я-я...

Вновь утыкается ему в грудь и всё по кругу. Только на этот раз у него уже имеется какая-никакая информация - деньги, родители и какой-то мутный “этот”, который может его девочке не дать доучиться.

Ну-ну, пусть рискнёт, если кости лишние.

Поэтому на этот раз к успокоению он подходит более тщательно и, поглаживая по голове, заверяет, нисколько не кривя душой:

— Если отберут, то заплатим, Диль, не переживай. У меня есть накопления, я же там на стартовый капитал копил... но, если что, заработаю сколько надо, и спокойно доучишься. И с родителями разберусь, даю слово. И в остальном тоже всё тип-топ будет... Только... Что за “этот”, а? И в смысле “ты ничего такого и только меня”?

Отвечать ему, конечно же, никто не торопится, но Гриша не был бы собой, если бы не сумел добиваться своего. Пусть и позже гораздо, уже в машине, у Дилиного дома, когда от активных рыданий остались только печаль и вселенская обида в голосе. Ну и ещё заплаканные красные глаза, которые она от него старательно прятала, пока рассказывала о том, что произошло пару часов назад.

О том, как один из преподав, уважаемый, казалось бы, человек начал приставать, угрожая, что, если Диларка не ответит ему согласием или, что ещё хуже, расскажет об этом кому-нибудь, то не видать ей ни зачёта, ни нормальной оценки на экзамене, ни жизни в университете в целом. О том, что он, как выяснилось, специально назначал встречи под предлогом возможности заработать автомат, как можно позже и наедине, чтобы никто ему помешать не мог. О том, как она испугалась, огрела мудака первым попавшимся учебником и сбежала, а потом его, так вовремя за ней приехавшего, встретила.

— ...но я же... Я же никогда никаких намёков не давала! Я и думать ни о чём таком... Никогда! Честно! Я... Я... Почему?

Она поворачивается к нему за ответом, вот только его у Гриши нет. Но зато есть маячащий впереди шанс загреметь под статью за причинение особо тяжких телесных или что посерьёзнее, потому что...

Уроет суку! Голыми, блядь, руками! Он на Дилю вздохнуть лишний раз боится, смотрит на неё, как на сокровище, круги вокруг наворачивает на цыпочках, лишь бы только не спугнуть напором своим, а какой-то хуй в белом халате решил, что может не то, что в её сторону как-то не так посмотреть, так ещё и угрожая, грабли свои распускать?! Кобелев бы рассмеялся во всё горло от такой чуши, если бы ярость не душила. Не прощают же такое... И он не простит. Никому, ни за что и никогда.

— Жизнь моя... - голос звучит так себе, того и гляди, что зарычит, как бешеная псина, сорвавшаяся с цепи, и приходится сделать над собой усилие, чтобы не напугать свою красавицу ещё сильнее. — Иногда люди - не люди, а просто твари. Без причины. И искать объяснение их поступкам, особенно, обвиняя себя, не надо. Думать больше не смей, что в тебе дело, поняла? И не бойся ничего. И не плачь больше из-за всяких ебанов. Тварей давить надо, не жалея, а не слёзы свои драгоценные лить... - берёт её холодные руки в свои, подрагивающие от с таким трудом сдерживаемых эмоций. — Тебя больше никто никогда не обидит, обещаю. Веришь же, да?

Диларка, молча, кивает, не раздумывая ни мгновения, и из-за этого у него получается даже из себя улыбку выдавить. Перекошенную, правда, и явно глаз не коснувшуюся, но это неважно. Важно, что верит. Важно, что больше не плачет. Важно, что смотрит на него так искренне и открыто. И не оправдать её доверие у него просто нет шансов, иначе, чем он от этого будущего трупа, посягнувшего на чужое святое, отличается?

— Вот и здорово! Ты умница, Дилар. Смелая и сильная девочка. Всё будет хорошо, это я тоже тебе обещаю. Все зачёты с экзаменами твои будут, так что завтра спокойно идёшь на учёбу и ни о чём, кроме меня не думаешь, договорились?

— Но...

— Никаких “но”, жизнь моя.

— Нет, - не соглашается и, видимо увидев в его глазах что-то жуткое, ощутимо напрягается. — Гриш... Гришенька, что ты задумал?

— Я? Ничего.

— Гриша, я же вижу...

— Не знаю, что ты там видишь, Диль, но заверяю тебя всё будет хорошо.

— Ты это уже говорил.

— Ну, если так и будет, то почему бы и не повториться?

— Нет, не заговаривай мне зубы! - она принимается беспокойно ёрзать на сидении. — Не надо было тебе рассказывать! Сейчас ещё дров наломаешь и...

— Ну, вот ещё, ага! Забудь об этом “не надо было рассказывать” и никогда больше так не думай! Иначе поцелую. При всех поцелую, и будешь тогда знать.

Дилля приоткрывает рот от удивления и слегка краснеет, наверное, представив нарисованные им перспективы.

— Как это вообще связано?

— Не знаю, но я свяжу, ты меня знаешь.

— Гриш...

— Расслабься, жизнь моя. Я шучу. Пока. Лучше расскажи мне ещё кое-что.

— Да я вроде бы обо всём, даже о чём не стоило, рассказала.

— Нет, - улыбается шире и наклоняется к ней ближе, по-хозяйски и совершенно внаглую вторгаясь в личное пространство. — Там ещё что-то про “только тебя” было, помнишь?

Задаёт этот вопрос специально в надежде смутить, сбить с толку и сменить тему, но в итоге сам же себе яму вырывает, потому что Диларка, пусть и действительно, по обыкновению,

сильно смутившись, опускает глаза на их руки, алеет щеками ещё заметнее и, когда он уже решает, что добился своего, едва слышно произносит:

— Ты же и так знаешь... Видишь... Зачем об очевидном спрашиваешь?

Бах! И снова ювелирно в цель! Одним выстрелом сразу в три жизненно важных точки - голову, сердце и душу. Наверное, и бронник бы не помог, захоти он защититься и себя спасти. Но Гриша не хочет. Он подставляется под дуло её оружия с удовольствием и с ним же зарывается в мягкие, дурманяще пахнущие волосы лицом.

— Потому что я сам только тебя, Диль. Разве ты ещё не поняла?

**

Девочки, пока с воспоминаниями закончили, завтра возвращаемся обратно - в настоящее, но мы еще обязательно узнаем, что там стало с профессором, будь он не ладен)) Не забывайте ставить звездочки, если история вызывает у вас теплые нотки интереса, чтобы нам было отраднее ее писать)) Спасибо за внимание, ваши Полина и Мария!

Глава 14. Дия

Все-таки зря она согласилась на эту «гениальную» кобелевскую идею - встретить Новый год вместе и не портить его семье своей драмой. Надо было по заветам психологов думать, прежде всего, о себе и своём состоянии, которое кроме, как измочаленным иначе не назовёшь. А ведь еще даже в дом не зашли...

И вроде бы все, как всегда: мать с Гришей привычно обмениваются «любезностями», только, если раньше Дия наверняка попыталась бы сгладить углы, разрядить атмосферу, которая неминуемо трещала между Кобелевым и ее матерью, то сейчас нет ни сил, ни желания, да и привычное рыцарство мужа не вызывает былого тепла и чувства единства, а только раздражение и горькую усмешку, ведь мама по итогу оказалась права насчет него.

Может, и во всем остальном она тоже была права?

Может, Диле в самом деле нужно было больше уделять внимания мужу, сопровождать его на все эти корпоративы, форумы и ивенты, а не своими клиниками заниматься? Может, если бы она слушала маму, и соблюдала традиции, все было бы по-другому?

Да? И как же? - ехидно вопрошает внутренний голос, мгновенно приводя в чувство.

Диле становится смешно. Такими темпами в пору начать задаваться вопросом: «А что ты сделала, чтобы муж тебе не изменял?».

И хотелось бы сказать - все, но в измене же вроде как виноваты оба.

И да, Дия осознаёт, что в последнее время слишком сильно ушла в работу, расширяя свой бизнес, выводя его на новый, более высокий уровень. Само собой, это требовало огромных энергетических ресурсов, времени, нервов. Как следствие, сил претендовать на звание «жены и матери года» совсем не оставалось, но Дия даже в состоянии полнейшей замороченности старалась, уверенная, что уж кто-кто, а Кобелев поймет и поддержит, как она его в своё время, когда он сутками пропадал в работе, чтобы его новорождённый бизнес держался на плаву.

Тогда это казалось само собой разумеющимся. И не потому что она - женщина, он - мужчина и так вроде бы заведено. Просто хотелось дать любимому человеку возможность расправить крылья и реализовать себя. В конце концов, это ведь не навсегда, просто такой период, можно и потерпеть.

И Дия терпела, ни слова упрёка не сказала, поддерживала своего мужа во всем, стараясь не грузить лишней раз бытовухой, плохим настроением и мелкими проблемами, которые вполне могла решить сама. Она вообще не в пример своим традициям, а может специально вопреки, да простит ее Всевышний, старалась многое делать сама. Быть с мужем на равных.

И он всегда поддерживал ее стремления - так ей казалось. Но, похоже, не зря русские говорят: когда кажется - креститься надо. И честно, она бы покрестилась, если бы помогло. Но не помогает!

Ничего уже не помогает, стоит только подумать, чем Коблев ей отплатил за все годы, что они рука об руку.

И ведь до чего банально!

А она-то думала, что они особенные, и любовь у них не такая, как у всех...

Смешно теперь. И горько очень. Так горько, что сколько ни силятся давить в себе эту горечь, все равно прорывается наружу, кривя улыбку.

“А че такова, Диль?” - будто на репите в голове по кругу какую неделю. Но, что еще поганей, он и вел себя так, будто ничего не случилось.

Подумаешь, тринадцать лет обесценил одним махом, ерунда ведь. И не то, чтобы Диле нужно было его раскаяние, ничего ей уже не нужно.

Что ни сделай, не заживет оно, не зарастет, не склеится, как было... Но эта показная невозмутимость, проклятое “жизнь моя” и нахальная, наглоющая манера лезть в ее личное пространство, будто у Кобелева все еще было право... Всевышний, дай ей сил!

Чуть-чуть. Надо продержаться совсем чуть-чуть, а там...

Что там? Диля не успевает додумать, попадая в теплые объятия Мурки - жены младшенького из братьев Кобелевых.

— Диличка-а, приве-ет! - сиропит она, как всегда приторно мило, но ничуть не наигранно, однако Диля невольно замечает, как мимолетно закатывает глаза Гера, и злость и без того бушующая в ее душе, обретает вполне конкретные формы.

Вот, что мужикам надо, спрашивается?

Такая девчонка ведь! Отзывчивая, добрая, энергичная, заботливая. С ней и поговорить по душам, и побалдеть, и хоть завтра Эверест покорять.

Легкая в общении, всегда на позитиве. С ее появлением балагур-Гриша, будто родную душу обрел. Впрочем, они все. Такая она чудесная их Мурка - не влюбиться в эту миниатюрную малышку было невозможно. А уж внешность какая: одно ее кукольное личико чего стоило, а уж шикарные формы, которые после недавних родов стали только шикарней - и вовсе.

Тем не менее, Герочка воротит нос. И да, Диля все понимает, “брак по залету” - это, конечно, непросто, но раз уж поженились, то к чему, простите, эти пантомимы?

У Дили под кожей от раздражения начинает зудеть, того и гляди, прорвет хваленое самообладание. К счастью, Маргоша - жена Светки - третьего по старшинству брата, переключает Дилино внимание на себя.

— Так, дайте мне мою Ди уже, - врывается она в их с Люсей объятия, манерно растягивая гласные.

Маргоша у них немного выражуля, хотя немного - это очень серьезное преуменьшение. При первой встрече у Дили вообще сложилось впечатление, что девочка состоит исключительно из понтов и трендов, но узнав ее поближе, стало понятно, что понты и тренды - это, конечно, важная часть Марго, но еще есть та - которая выросла в деревне и которой не чуждо ничего из мира простых людей.

Адекватная, свойская, со своим мнением и характером “в каждой бочке затычка”, она была звездой их большого семейства, но при этом ни у кого не вызывала желания закатить глаза или оспорить сей статус.

Их любимица была действительно народной, а не как какая-нибудь, прости господи, Долина. Потому и погода в доме с ней стояла не заунывная, а очень даже стебная, на подколах и старой-доброй иронии. Но главное - как светился рядом Святослав от одного взгляда на нее, полностью оправдывая придуманное братьями “Светик”.

Пожалуй, они с Маргошей были самой любящей, искренней и крепкой парой среди Кобелевых, хотя еще недавно на пьедестал первенства в этом соревновании Диля ставила их с Гришей. Теперь же их даже на последнее место не приткнешь, исключительно дисквалификация...

Глава 15. Диля

От этой мысли глаза начинает предательски жечь, Диля прячет лицо в огненных кудрях Маргоши и втягивает с шумом какой-то теплый, томный аромат то ли коньяка, то ли корицы с ванилью, то ли всего разом.

Соберись! Соберись! Соберись! - как мантру про себя, но когда оно все в крошево, разве соберешь?

— Новый аромат? - отстраняясь, спрашивает Дилара, чтобы хоть как-то себя отвлечь. Маргоша же, словно только этого и ждала - садится на своего любимого конька и начинает щебетать про какой-то модный, нишевый парфюм.

Диля кивает, а сама не слышит ни единого слова, смотрит сквозь пелену на украшенный к Новому году двухэтажный дом в скандинавском стиле из натурального дерева с огромными окнами в пол, да на улыбающиеся, горящие предпраздничным энтузиазмом лица суетящихся вокруг родственников, и прикусывает задрожавшие губы, отчетливо вдруг осознавая, что, возможно, это их последний совместный Новый год.

— Ты обязательно должна мне рассказать про эту процедуру, - продолжает меж тем Марго что-то говорить. Диля вновь кивает невпопад, пытаясь сообразить, про что речь.

— Господи, Риточка, ну зачем тебе какие-то процедуры?! Ты и так у нас красавица вон какая, - избавляет от конфуза свекровь.

— Мамочка, а буду еще красивее, - подхватив под локоть Мурку в качестве поддержки, заявляет Маргоша и будто спохватившись, переводит тему. — Слушайте, а чего мы здесь морозимся?! Пойдемте в дом, Снежинка уже заждалась там, да и мама с тетей Наташей на стол накрыли. Пойдемте!

— Малышня, в дом! - вторит ей Мурка, махнув детям.

Все начинают согласно кивать и суетиться еще больше: отец Дили, о чем-то переговариваясь с Гришей и Игорем, спешат в числе первых оказаться в тепле, младшие Кобелевы следуют за ними, подхватив по чемодану. Дети, уже извалявшись в снегу, расталкивают ринувшуюся к двери толпу, вызывая у старшего поколения возгласы возмущения и смех.

— Мам, смотри, тут олень и зайчик, - кричит Ариша, указывая на пока еще не горящие светодиодные фигуры у крыльца. — А когда мы их зажжем?

— Вечером, детка, сейчас пойдем елку украшать, мы как раз вас ждали, - берет свекровь за руку Аришу, не бросившуюся наперегонки со всеми в дом.

— Ура!

В доме атмосфера праздника, тепла и уюта ощущается еще полнее. Горящий камин, огромная, живая елка посреди гостиной с мягкими диванами, застеленными пледами и подушками, шикарный вид на лес в из панорамных окон, невероятный аромат смолистого сруба вперемежку с чем-то вкусным, доносящимся из кухни и завершающим штрихом - смех и веселые голоса дорогих сердцу людей.

— Скорее-скорее, проходим, мы уже пунша наварили, а то остынет, - выглянув из кухни, потирает плечи мама Мурки - Наталья Ивановна, - покачивая трехмесячного сынишку Кобелевых-младших.

— Мой сладкий, - расплывается тут же Люся в счастливой улыбке и скинув угги, спешит к малышу. — Иди к мамочке.

— Руки помой сначала, тоже мне мать года, - едко бросает Гера, проходя мимо. Мурка начинает улыбаться еще лучезарней, только вот глаза стекленеют, и у Дили внутри все сворачивается в ледяной, яростный жгут. Хочется схватить поганца за капюшон его неизменно-черной худи и встряхнуть, как следует.

Что это вообще за поведение такое? А главное - почему никто, и она в том числе никогда раньше не обращал на это внимание? Где были их глаза?

Впрочем, то же самое можно спросить у нее самой - где были ее глаза, когда Гришенька, ставивший свое будущее на кон ради нее, стал Григорием Александровичем, который чхать хотел, что там завтра, что вчера, когда он хочет здесь и сейчас?

Диля невесело усмехается своим мыслям. Ощущение, будто она прожила долгие годы в своем понятном, привычном мирке под колпаком какого-то мыльного пузыря, вынырнув из-под которого смотрела теперь на оставшихся под ним сквозь радужную, переливающуюся оболочку, чувствуя себя не то, чтобы чужой, но абсолютно непричастной.

Наверное, про это ощущение рассказывала их Снежинка. Ее интеграция в семью Кобелевых не была гладкой. Снежинкой они прозвали ее изначально отнюдь не потому, что она была хрупкой, почти прозрачной блондинкой, а за ее отстраненность, холодность и казалось даже, высокомерие. Долгое время наладить контакт с ней у них не получалось. Точнее - они даже не пробовали, сразу навесив на Асю ярлык петербурженки, смотрящей свысока на провинциалов. Наверное, сказывались какие-то комплексы, хотя никто раньше за собой такого не замечал, но Ассоль даже своим “странным” именем подсветила, чем, похоже, и заработала всеобщую настороженность.

К счастью, со временем эта настороженность сошла на “нет”, притерлись волей-неволей, узнали девушку поближе и полюбили всей своей большой, сибирской душой.

Снежинка же в тепле растаяла и расцвела полным нежности, и невероятной эмпатии цветком. Оставалось только диву даваться, как они могли считать ее чужой, хотя, наверное, сказывалось отношение Игоря, женившегося, как он заявил однажды, не по любви, а из соображений своей политической карьеры, что поразило всю семью.

Как они будут? Что это вообще за жизнь? И надолго ли?

Раньше Диля вместе со всеми задавалась точно такими же вопросами, истановилось как-то жаль ребят. Казалось, они многое упускают, подойдя к браку, как к сделке, что по прошествии десяти лет полнейшего взаимопонимания и безмятежности в их паре, выглядело безосновательно, а то и вовсе на зависть: никаких сюрпризов и мыльных пузырей, все четко регламентировано и понятно. Это ли не счастье?

Если бы Диля знала...

Внутри у нее кипело так сильно, особенно, при взгляде на Кобелева, залиvisto смеющегося над какой-то шуткой Натальи Ивановны, вручившей ему бокал с пуншем, что казалось, еще чуть-чуть, и крышечка с котла под названием “Диляно самообладание” сорвется также резко, как Маргоша срывается в какой-нибудь бутик после уведомления о поступлении зп.

Нестерпимо захотелось вытянуть пальчик и одним росчерком своего нюдового ноготка, лопнуть это счастливо-неоновое нечто. Особенно, когда мать, подойдя к ней, начинает в очередной раз отчитывать:

— Диля, ну, что ты стоишь?! Иди вещи разбери, детей переодень. Мы вам оставили крайнюю слева спальню. Вид там неплохой, но не лучший, в следующий раз будете зато вовремя приезжать. Ребятишек решили в одну детскую определить, чтоб не скучно было и...

Мать продолжает что-то говорить, но Диля не слышит, у нее набатом в голове: “Одна с Кобелевым спальня! Одна чертова кровать и три ночи наедине с его немыслимой наглостью и напором!”.

Девочки, спасибо всем, кто с нами был и будет! Сейчас подписка по самой минимальной цене, присоединяйтесь, если вам интересно, как развернутся события, обещаем, будет не скучно))) В моем ТГ -канале можно глянуть образы всех ребят, чтобы было легче их представлять) Так же к к нг будет много всяких плюшек, розыгрышей и прочей активности. Перехо-

дите по ссылке в раздел "ОБО МНЕ" и жмите на черную кнопку "me" - <https://litnet.com/shrt/b-LG>

Буду рада всем заглянувшим. И спасибо еще раз за внимание к работе! С Наступающим всех!

Глава 16. Диля

Нет, она это не выдержит. Просто не сможет, да и не хочет, если уж на то пошло.
Боже, ну почему ей даже в голову не пришел этот чертов «постельный» вопрос?
Теперь вот что делать? Обрушить на головы родных новость года и испортить праздник?
Конечно, Игорь с Асей и детьми летели из Питера вед

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.